

(а притча 1760 г. — «Коршун в павлиньих перьях»), впервые опубликованную Новиковым в «*Полном собрании сочинений Сумарокова*», рядом с другими литературно-полемическими баснями (1781, т. VII). Вслед за «Коршуном» идет притча «Парисов суд» — пародия и сатира на М. Чулкова, затем — «Несмысленные писцы» (1774) — может быть, о А. Волкове или В. Петрове, во всяком случае, явно полемическая.

Вот текст притчи:

«Брюхато брюхо, лъзя ль по русски то сказать?

Так брюхо не брюхато,

А чрево не чревато;

Таких не можно слов между собой связать.

У коршуна брюшко иль стельно иль жеребо,

От гордости сей зверь взирает только в небо:

Он стал павлин, не скажут ли мне то,

Что коршун вить не зверь, но птица?

Не бесконечна ли сей критики граница?

Что

Худова в том, коль я сказал жеребо?

Для рифмы положил я слово то, для небо.

А его приискав и несколько был рад,

Остался в точности, как должно быть, склад:

То шутки, каковы Рондо, Сонет, Баллад. . .

От егова писцы не редко отбегают;

Однако то они когда пренебрегают:

Жеребо, положил не ради ль рифмы я?

Но сим испорчена ль хоть мало мысль моя?

Напрасно кажется за то меня ругают,

Что я неслыханну тут рифму положил:

Я критики за то себе не заслужил.

Жеребо слово я ошибкой не считаю,

А вместо басни той сию теперь сплетаю:

Был коршун горд,

Как черт,

Да только он смотрел не в ад, но в небо:

А черти смотрят в ад.

Не мните критикой мне сею дати мат:

Не зрю ошибки я, что я сказал жеребо:

Но к притче приступлю. Стал коршун быть павлин;

В его он перьях был великий господин,

Но птицы прочие безумца оцинали,

Так брюхо гордое и горды мысли пали.

Кто хочет, может он писателя бранить,

А его слышали мои исправно уши:

Но кто переведет на свете ледны души! . . »